

Беседовали в гостиной, у бильярда. Я было предложил сгонять партию-другую. Мол, совместим приятное с полезным, перемежая удары по шарам вопросами. Но Николай дал понять, что настроен на серьезный лад. Дескать, не до забав мне. Но игры ведь бывают разные...

«Отдали деньги «МММ» и неделю на каше сидели»

— Рубашечку, Николай, на груди расстегните, пожалуйста.

— Это еще зачем? Какие-то странные у вас желания, господин журналист.

— Да вы не волнуйтесь так. Я только проверить хочу, на месте ли кулон.

— Все равно не понимаю, о чем вы.

— А кто клялся-божился, что ни на миг не расстанется с медальоном, внутри которого изображен светлый лик обожаемой супруги?

— Я только что мог лицезреть любимым образ живьем. Договорились со Светой носить кулоны, когда расстанемся. А сейчас мы вместе. Намне, кстати, и настоящего креста пока нет, но это ведь не значит, что я в Бога не верю.

— Верите?

— Перед важными концертами стараюсь улучшить минутку и захватить в церковь за благословением. Если не успеваю попасть в храм, благословляюсь в концертном зале.

— Каким образом?

— Иконы, батюшской подаренные, с собой вожу.

— А кто ваш батюшка?

— Духовник служит в Сергиевом Посаде. В лауре.

— Или вы о родителях спрашивали? Папа у меня офицер, полковник. Десять лет назад закончил Академию Генштаба и получил направление в Поволжье, должен был стать там главнокомандующим.

— Полковников на такие должности не назначают.

— Папе собирались присвоить генеральское звание, но он ради меня пожертвовал карьерой, отказался уезжать из Москвы. Я заканчивал десятый класс, и родители посчитали, что мне важно доучиться в столице. Мама твердо сказала: «Мы остаемся!»

— И отец уволился со службы?

— Его оставили в Министерстве обороны на должности, не сулящей никаких перспектив.

— А рассказывают, товарищ полковник танками воевал торговал, нехилый капиталек сколотил сумел.

— Если бы папа продавал оружие, уверяю вас, мне не пришлось бы искать финансовой поддержки на стороне, чтобы сделать карьеру певца. Хватило бы помощи родителей.

Нет, мы никогда не бедствовали, но особо и не шиковали, имели средний достаток. Однажды, правда, неделю сидели на гречневой каше, когда доверили деньги «МММ». Но это исключительный случай, больше с аферистами родители не связывались. Отец всегда работал. Он и сейчас трудится. Аудитором в Счетной палате.

— А мама у вас, кажется, учительница?

— Она офицерская жена, понимаете? Какая вакансия была в гарнизонах, туда и шла. Разные занятия пришлось перепробовать, даже искусствоведом трудилась в городе Новосибирске.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

фотомоделью, рекламировала ювелирные украшения. Потом, когда мы жили в Германии, была диктором на нашем телевидении.

— Откуда наше телевидение у нас под боком?

— У Группы советских войск в ГДР все было свое...

Когда вернулись в Россию, мама учредила фирму, зарабатывала неплохие деньги, но не миллионы долларов. Иначе родителям не пришлось бы продавать квартиру и дачу, когда мне предложили уехать учиться за рубеж.

— Потребовалась большая сумма?

— Солодная. Для нашей семьи. Все-таки Нью-Йорк, школа при «Метрополитен-опера»... Мы долго взвешивали все за и против, дома до сих пор лежит приглашение на официальном бланке с печатью, но я очень не хотел ехать, очень.

— Что так?

— Не люблю заграничку. Честное слово, не кокетничая! Недавно был у Монтсеррат Кабалье в Барселоне, провел там два месяца, изла-

Если кто хорошо поет, это не значит, что он плохо готовит

Мать с отцом жили не бедно; сын, кажется, знает, что такое жить богато

— Скоро полиглотом станете!

— Так и есть, если учесть, что до этого пришлось заучивать на итальянском от первой до последней строчки «Травиату» и «Тоску»...

— Зато теперь, наверное, можете без проблем заказать порцию спагетти в trattoria?

— Мне и раньше удава-

Видимо, все же уеду на Запад

зил горой вдоволь и поперек, не знал, куда себя деть, чуть с ума не сошел от тоски по дому. Я же путешествовал с одиннадцатилетней — сперва гастроли с детским музыкальным театром Федорова, потом различные конкурсы, фестивали от Гнесинского училища, Министерства культуры. Объезжал весь мир, проше перечислить, в каких странах не был.

Поездка на учебу в Штаты планировалась минимум на пять лет, может, даже пришлось бы совсем там остаться. Психологически не чувствовал себя готовым в шестнадцать лет покинуть дом. А вот моя сокурница рискнула, поехала в Нью-Йорк, отучилась, возвращаясь в Россию не стала.

«Трудовая книжка у меня была уже в 3-м классе»

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Допустим, язык выучить можно, не самая великая проблема.

— Да? Хорошо так рассуждать, когда учишься приходится другим! У меня от обилия информации мозги уже не соображают! Я ведь занимаюсь не одним языком, а сразу несколькими. Обстоятельства вынуждают. Английский совершенно не знаю, за испанский взялся.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

лось справиться с этой задачей, хотя, чтоб вы знали, тексты классических опер мало походят на современный итальянский язык.

— Нет, не подумайте: учиться мне нравится, я всегда был прилежным учеником, с 16 лет ежедневно занимался в Гнесинке с Линой Сергеевной Шеховой.

— Это дорогое удовольствие?

— Иметь персонального преподавателя? 25—30 долларов в час. Вот и считайте...

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Допустим, язык выучить можно, не самая великая проблема.

— Да? Хорошо так рассуждать, когда учишься приходится другим! У меня от обилия информации мозги уже не соображают! Я ведь занимаюсь не одним языком, а сразу несколькими. Обстоятельства вынуждают. Английский совершенно не знаю, за испанский взялся.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Допустим, язык выучить можно, не самая великая проблема.

— Да? Хорошо так рассуждать, когда учишься приходится другим! У меня от обилия информации мозги уже не соображают! Я ведь занимаюсь не одним языком, а сразу несколькими. Обстоятельства вынуждают. Английский совершенно не знаю, за испанский взялся.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Допустим, язык выучить можно, не самая великая проблема.

— Да? Хорошо так рассуждать, когда учишься приходится другим! У меня от обилия информации мозги уже не соображают! Я ведь занимаюсь не одним языком, а сразу несколькими. Обстоятельства вынуждают. Английский совершенно не знаю, за испанский взялся.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Допустим, язык выучить можно, не самая великая проблема.

— Да? Хорошо так рассуждать, когда учишься приходится другим! У меня от обилия информации мозги уже не соображают! Я ведь занимаюсь не одним языком, а сразу несколькими. Обстоятельства вынуждают. Английский совершенно не знаю, за испанский взялся.

— Полярку Кабалье?

— Монтсеррат очень нравится, когда пробую говорить с ней по-испански. Думаю, скоро смогу поработать и французским. В будущем году предстоит петь «Ромео и Джульетту»...

— И как ей земля за океаном?

— Мы встретились, когда я приезжал с концертами в «Мэдисон сквер-гарден». Тоже спросил: «Как ты, Лена?» Вот, говорит, иду. Работу, себя... В нашем мире есть такое выражение: прилетать соловьями, улетают воробьями. Очень хочу, чтобы у Лены все получилось, но... Все равно мы там чужие. Язык, культура, менталитет — все иное, понимаете?

— Показалось, маловато будет?

— Я же объяснил: все зависит от конкретных условий. Мы обедали в ресторане «Пушкин» на Тверском бульваре, передо мной на столе лежал подробнейший план компании на ближайшие три года, вплоть до съемок рекламного фильма. Я понял: поставлю подпись под контрактом и перестану принадлежать себе. Неведомые мне менеджеры будут указывать, когда мне ложиться спать и когда вставать, перед кем позировать, кому давать интервью, пожимать руку, улыбаться, в каких городах гастролировать... Очень напряженный график поездок, фотосессий, презентаций. Работы, настоящего рабства! За три года выжали бы все соки. А зачем мне это? Не готов рисковать ради обещанных 6—7 процентов прибыли от проданных CD.

— Сколько набежало бы?

— Допустим, тысячу сто пятьдесят долларов. В данном случае это не сумма. Голос — главное мое богатство, не могу оценивать его в деньгах, зато волн выбирать из предлагаемых контрактов.

«Селезнев многое для меня сделал — и я ему не отдал»

— Кто сейчас представляет ваши интересы на Западе?

— Карлос Кабалье, брат Монтсеррат. Он человек достаточно опытный, мы не форсируем события. Во всяком случае, с cross-over style.

— Не хотите повторять российский опыт исполнения оперных партий с эстрады?

— Ну да. Намерен сначала утвердиться за рубежом как классический певец, а потом уже экспериментировать со смешением стилей.

— Тяготитесь соседством с Газмановым и Кирковым?

— Нет, это критикам неймется. Честно говоря, они меня уже достали.

— Понимаю, кому понравится, когда тебя называют образцом кича.

— Манера клеить обидные ярлыки — русская черта. Профессиональные оценки о себе почти не читаю, все на уровне оскорблений, похабщины. А какие отвратительные слитные сочиняют! Уши вянут! Пишут, будто я лечился при помощи липосакции и сбросил два десятка кило, рассказывают о моих гейских наклонностях. Обязательно нужно залезть в чужую постель, правда?

— Почему все сразу воруют о выгоде, корысти? Не собираюсь я стричь материальные купоны с общественной работы! Геннадий Николаевич многое сделал для меня, и я не счел возможным отказаться, когда обратился с ответной просьбой. Мастера культуры всегда были с кем-то. Так заведено. Но я не торгую принципами и в партию иду не за идеологию отвечать, а заниматься тем, что мне и так близко по жизни.

— И в Думу намерены баллотироваться?

— Откуда вы взяли? Нет у меня таких планов.

— Но вы не ответили, в чем конкретно селезневское «многое» заключается? В выбитом для вас к 25-летию юбилею звании заслуженного артиста России?

— Зачем глупости говорить? Указ подписывает президент страны, блат в таких вопросах бессилён. Чтобы претендовать на звание, надо иметь 15 лет трудового

стажа, а я творческой деятельностью занимаюсь уже семнадцатый год! И холатайство о присвоении мне заслуженного подписывали разные организации, включая Большой театр, а вовсе не один Селезнев.

— Как, кстати, сейчас строится ваши отношения с Большим?

— Контракт истекает в этом году.

— А дальше?

— Все зависит от театра. Когда-то у меня было три спектакля в репертуаре — не осталось ни одного. Артистов много — работы мало. Семь постановок закрыто, новых предложений нет. Даже билетные спекулянты недовольны!

— Видимо, все же придется один год пел в «Евгении Онегине» на сцене Большого, став самым молодым Ленским в истории театра? Или разве моя вина, что телевидение предпочитает показывать не оперы, а эстрадные концерты, что именно участие в них приносит известность? Знаете, какова доля классического искусства на нашем телевидении? Стыдно сказать! И рейтинг у этих программ мизерный...

— Ловко у вас получается!

— Слушайте! Мы дебютировали в рамках хит-парада клипов, проводимого на ТВН. Вступительный взнос равнялся 500 долларам. А дальше уже голосовали зрители, все учитывалось компьютером, суживать было нельзя. Десять недель подряд я занимал первое место. И все! Началось! Меня стали приглашать на концерты, предлагали за вы-

фото из семейного архива

— В смысле?

— В прямом! После каждого выступления в Большом эти ребята присылали мне корзину с цветами в знак благодарности. Они хорошо наворачивались, билеты на мои спектакли уходили влет и втридорога. Это нормально, так происходит во всем мире. Афишу любого театра украшают имена звезд. Еще недавно в Большом пели Атлантов, Соткилава, Образцова, Архипова. На них ходили, ради них ставились спектакли. А сейчас? Кстат, хотелось бы поинтересоваться у тех, кто с легкостью лепит другим клички, в курсе ли они, что я в двад-

дцать лет назад уезжал на Запад. Оттягивая этот момент, но бесконечно так длиться не может. Надо подписывать контракт и начинать играть по другим правилам. Это здесь, в России, можно покапризничать, сказать, мол, здесь буду выступать, а там нет. За границей подобный фокус не пройдет...

«Даже если расстанусь со Светой, тесть будет партнером в бизнесе»

— Насколько понимаю, поворотным моментом вашей карьеры стало знакомство с господином Шпигелем, будущим тестем?

— Да. Это 1999 год. В тот вечер я выступал с песней «Памяти Карузо» в Театре Российской армии, два куплета исполнил без микрофона и заставил зал встать. Борис Исаакович был среди зрителей, после концерта зашел ко мне в гримерку и сказал: «Хочу, чтобы твой голос услышала вся Россия. Помогу тебе в этом».

— Как вы это сделали?

— Не продолжайте, я понял! Никаких «если» не будет, но специально для вас готов теоретически предположить невероятное. Допустим, наша жизнь со Светой не заладится. На моем бизнесе с ее отцом это никак не отразится, сотрудничество продолжится. Мой контракт так составлен, что я при любых обстоятельствах сохраню независимость, буду ли мужем, братом, сватом, соседом... Поймите, я уже не тот Коля Басков, которым был раньше.

Но вы напрасно так акцентируете внимание на материальной стороне вопроса. Если бы меня волновали лишь деньги, мы бы с вами сегодня не встретились. Я где-нибудь гастролировал бы. У меня столько предложений, что могу давать хоть двадцать концертов в месяц, а выступаю раз три-четыре. Мне хватает. Если из-за чьей-то потери сейчас голос, кому потом буду нужен? Нет, у меня планы на много лет вперед, повторяю, карьера только начинается.

— Многие и не мечтают о том, что есть у вас сегодня.

— Это не моя проблема, а их. Каждый сам выбирает судьбу. Леонардо Ди Каприо в двадцать лет снялся в «Титанике», и что ему было делать? Лезть в петлю от мысли, будто главная роль позади? Или другой пример. Федор Шалапин в 56 лет оказался нищим: американский банк, куда великий певец вложил огромные состояния, разорился. Шалапин говорил потом, что прожил впус-...

— Понимаете, никто не застрахован от неудач, ошибок, но надо учиться правильно формулировать цели.

Я не закликиваю на деньги. Всех не заработаешь, а необходимое у меня уже есть. Квартира, машина... Что еще? Дачи не люблю, жить предпочитаю в городе.

«Ездил за рулем, пока не врезался в дерево»

— Соседские ладите?

— Человек я не конфликтный, мирный. Если передо мной закрывают двери, второй раз никогда я не стучу. Стараясь помогать людям, а не поджожи им ставить. Это обое правило, старое-как-земля. Оно касается всех соседи, то иногда у них возникают вопросы, если пою после одиннадцати вечера. Вежливо звонят в дверь: «Николай, мы все любим, спасибо за концерт, но у нас есть ваши клипы, мы их сами можем послушать». Сразу замолкаю. До утра Чужие права надо уважать...

— И сколько часов в день подслушивать?

— Перед концертами не менее одиннадцати.

— Счастие не проспите, Николай.

— Не волнуйтесь. Спокойно...

■ Андрей Ванденко.

тупление от двух до пяти тысяч долларов. Безумные деньги, если учесть, что в Большом за спектакль мне платили семьсот рублей.

— Выходит, вы все-таки богатенький братишко, Николай.

— Так гонорары получал не я, а продюсерская фирма МСК.

— Ага, господин Шпигель стал на вас навязываться, и тогда вы решили жениться на его дочке, чтобы деньги оставались в семье?

— Как у вас все просто получается! Борис Исаакович такой человек... такой человек... Если бы он работал импресарио на Западе, любой театр под его руководством стал бы знаменитым. И мне он очень помог, но из-за этого вступать в брак со Светой... Вы слышали что-нибудь о любви, чистых чувствах? Не надо все ополнять. Родственные отношения и контракт с генеральным продюсером — разные истории, которые мы никогда не путаем.

— Ну а если...

— Не продолжайте, я понял! Никаких «если» не будет, но специально для вас готов теоретически предположить невероятное. Допустим, наша жизнь со Светой не заладится. На моем бизнесе с ее отцом это никак не отразится, сотрудничество продолжится. Мой контракт так составлен, что я при любых обстоятельствах сохраню независимость, буду ли мужем, братом, сватом, соседом... Поймите, я уже не тот Коля Басков, которым был раньше.

Но вы напрасно так акцентируете внимание на материальной стороне вопроса. Если бы меня волновали лишь деньги, мы бы с вами сегодня не встретились. Я где-нибудь гастролировал бы. У меня столько предложений, что могу давать хоть двадцать концертов в месяц, а выступаю раз три-четыре. Мне хватает. Если из-за чьей-то потери сейчас голос, кому потом буду нужен? Нет, у меня планы на много лет вперед, повторяю, карьера только начинается.

— Многие и не мечтают о том, что есть у вас сегодня.

— Это не моя проблема, а их. Каждый сам выбирает судьбу. Леонардо Ди Каприо в двадцать лет снялся в «Титанике», и что ему было делать? Лезть в петлю от мысли, будто главная роль позади? Или другой пример. Федор Шалапин в 56 лет оказался нищим: американский банк, куда великий певец вложил огромные состояния, разорился. Шалапин говорил потом, что прожил впус-...

— Понимаете, никто не застрахован от неудач, ошибок, но надо учиться правильно формулировать цели.

Я не закликиваю на деньги. Всех не заработаешь, а необходимое у меня уже есть. Квартира, машина... Что еще? Дачи не люблю, жить предпочитаю в городе.

«Ездил за рулем, пока не врезался в дерево»

— Соседские ладите?

— Человек я не конфликтный, мирный. Если передо мной закрывают двери, второй раз никогда я не стучу. Стараясь помогать людям, а не поджожи им ставить. Это обое правило, старое-как-земля. Оно касается всех соседи, то иногда у них возникают вопросы, если пою после одиннадцати вечера. Вежливо звонят в дверь: «Николай, мы все любим, спасибо за концерт, но у нас есть ваши клипы, мы их сами можем послушать». Сразу замолкаю. До утра Чужие права надо уважать...

— И сколько часов в день подслушивать?

— Перед концертами не менее одиннадцати.

— Счастие не проспите, Николай.

— Не волнуйтесь. Спокойно...

■ Андрей Ванденко.